

Vol.

ПРАЗДНИКИ
Роман Михайлов

individuum/Vol.
МОСКВА 2023

Илл.
Вася
КАРМАЗИН

УДК 82.344

ББК 84(2)6

М69

Михайлов, Роман

М69 Праздники / Роман Михайлов. — М.: Individuum, Эксмо,
2025. — 240 с.

ISBN 978-5-6048295-5-4

«Праздники» — это одиннадцать историй, которые могут стать фильмами, спектаклями, рыбами или снами, но пока что нашли себя в виде мистических сказок о подлинных переживаниях. В прошитом узорами, нездешним языком и ритуалами пространстве сборника квартира превращается в лес, на развалинах звучит потустороннее пение, а дети осваивают Тибет и выпускают зверей из зоопарка. Для потерявшихся внутри книги есть карта.

УДК 82.344

ББК 84(2)6

 individuum Vol.

© Роман Михайлов, 2025

© Василий Кармазин, иллюстрации, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023, 2025

ISBN 978-5-6048295-5-4

Individuum®

зоопарк 7

наследие 16

рыба 41

новый год 56

чужая одежда 61

праздники 70

восток 136

новое море 165

олень 187

свободный тибет 193

пасхальная ночь 219

карта праздников 227

Мне было семь лет. Отец разбудил рано утром и сказал, что мы едем в зоопарк «смотреть животных». Я встал, оделся, что-то съел, мы вышли, сели в автобус.

Отец довольно поглядывал то на меня, то на сидящих в автобусе. Казалось, он хотел рассказать, куда мы едем.

Приехали на железнодорожную станцию. Зашли в электричку. Час до города. Доехали, сели еще в один автобус. Оказалось,

перепутали маршрут: в городе слишком много всякого транспорта, и просто так нельзя сесть и доехать куда надо. Вернулись, снова сели, снова поехали. Всего дорога заняла часа три с половиной. А когда подошли к зоопарку, он оказался закрыт. Был какой-то хозяйственный день, дворник у ворот объяснил, что в такие дни никого не пускают. Отец подошел к закрытому окну рядом с воротами, постучал кулаком. Никто не отозвался. Мы простояли там минут десять, после чего из внутренней будки вылез недовольный человек, подошел к воротам с той стороны и сказал, чтобы мы уходили. Отец попросил нас пустить: в виде исключения. Человек рассмеялся и пригрозил, что вызовет милицию, если еще раз услышит, что кто-то стучится.

Мы пошли обратно – к автобусной остановке. Видно было, что отец сильно расстроился. Я попытался как-то его успокоить, сказал, что не особо и хотел в зоопарк, что лучше вернуться домой. Когда подъехал автобус, отец не пошевелился, остался стоять и смотреть в воздух. Мне даже стало не по себе. Говорил ему что-то, а он не реагировал. Мне этот зоопарк вообще не нужен. Мы уже ездили в прошлом году – там скучно, неинтересно. Стоят измученные животные, глядят через решетки, надо ходить мимо них и кивать типа «это пеликан», «это аист», «это еноты».

Сколько мы так простояли... Затем отец молча взял меня за руку и решительно повел обратно. Мы пошли вдоль высокого забора к трехэтажным желтым домикам. В одном из окон был курящий человек. Отец сказал, чтобы я попробовал пролезть под забором. Я без труда это сделал, лег спиной на асфальт и, как перемещающийся боком червяк, проник

в заветное место. А когда отец попробовал сделать то же самое, он застрял. Я схватил его за руку, потащил к себе. Человек в окне заулыбался. Видимо, нечасто он наблюдал такое. Я потянул еще сильнее, наклоняясь всем весом назад. Отец сказал, что всё-всё-всё, не тащи, никак, надо снять куртку. После этого все получилось — мы оказались в зоопарке. В запачканной одежде. Ехали и приехали. Можно ходить и смотреть.

К отцу вернулось прежнее настроение, он принялся водить по рядам, показывать пальцем на разных животных, хохотать. Вот этот опасный, такой вцепится в руку, и все — нет руки. Этот опасный, а тот нет, этот откусит руку, а тот — ногу. Тот похож на коллегу по работе — стоит с открытым ртом, смотрит, а изо рта течет слюна. Этого облепили мухи, они стали для него как подвижная кожа, то отделяющаяся от тела, то снова возвращающаяся на место.

Я тоже сделал вид, что это радостно и интересно, — не хотелось его расстраивать. Все эти дрожащие хорьки, облезлые грустные лошадки, вылезавшие из мутной воды головы, выпученные в никуда глаза. Какое же это бессмысленное и нелепое занятие — «смотреть животных».

Начался дождь, видимость потемнела. Похоже на то, как смотришь через грязное стекло или пленку от диафильма. Животных и до этого было мало, а из-за дождя и остальные спрятались. Показалось, что я это где-то видел, может, и во сне: мы приходим в пустой зоопарк, разглядываем клетки без животных. Ходим, показываем пальцем на пустые места и хохочем от радости.

Было крайне неуютно: не знал, как сказать, как предложить пойти обратно. Уже посмотрели животных, сами грязные и мокрые, лучше поехать домой. Пойдем снова пролезем под забором, сядем на автобус, затем на электричку, еще раз на автобус, окажемся дома? Я не успел ничего сказать. На одной из дальних дорожек появился человек – видно, работник зоопарка. Отец присел под деревом и махнул мне, чтобы я сделал то же самое. Человек прошел мимо, нас не заметив. Мы встали и пошли, оглядываясь. Вдруг появились другие люди, тоже по виду рабочие. Они нас точно заметили и крикнули что-то в нашу сторону. Отец схватил меня за руку, и мы побежали. Отец перепрыгнул через небольшой заборчик, протянул руки, перенес меня. Мы оказались за ограждением. Кто там обитал – непонятно. Явно не кто-то хищный, если можно было так просто туда забраться. Мы подбежали к деревянной постройке, зашли внутрь. Отец поглядел через вырезанное окно на дорожку, сказал, чтобы я спрятался, что они сейчас начнут нас искать.

Не припомню, когда видел отца таким счастливым. У него блстели глаза, он смеялся, поглядывал на меня, указывая видом, что наступает настоящее интересное приключение. А я прекрасно понимал, что сейчас будет. Приедет милиция, а потом уже непонятно. Нас заберут и посадят в тюрьму – или только его, а меня куда-нибудь отвезут. При том что мы ничего плохого не сделали, просто пришли посмотреть животных. А зачем забрались сюда? Спрятались от людей.

Отец сказал, что скоро нас окружают, нужно будет выходить из окружения по одному, у него с собой пара автоматов

и гранаты, он возьмет огонь на себя, а я должен буду бежать в другую сторону. Если бы мне было лет пять, я бы, наверное, обрадовался такой игре, но тогда я уже четко понимал, что отец говорит что-то не то. Попросил его пойти обратно, пока не приехала милиция. Отец недовольно посмотрел и ответил, что просто так не сдастся, пусть попробуют нас отсюда выкурить, пусть применяют слезоточивый газ, мы сможем оказать сопротивление. И еще мы им скажем, что проход к нам заминирован.

Мне стало страшно. Не из-за возможных последствий, а из-за того, что с отцом что-то случилось. Когда ехали сюда, планировали просто погулять по зоопарку, а теперь мы – мокрые и грязные, в конуре каких-то животных, сидим и ждем, когда нас окружают. Я плюхнулся на землю и заплакал. Отец, увидев мое состояние, подошел, взял за руки и сказал, что... я даже не понял, что он сказал. Он говорил про ощущение момента, про обстоятельства, про судьбу, про предсказуемость жизни. Только я ничего не понял.

Мы попали в оцепление. Здесь пески, вертушки, минами отрывает ноги, в воздухе хлесткий свист – звук пролетающих пуль. Надо дожидаться ночи: когда они уснут, мы сможем выйти. Надо понять, где расставлены снайперы. Хотя редко кто погибает от прямой пули, чаще от осколков. А еще мы заняли чье-то жилье. Даже не знаем, какой породы этот зверь и как он отреагирует на нас, когда вернется. Может, это большая птица: она придет, засунет нос в свой дом, увидит нас и удивится. Мы ее сделаем разведчиком, пошлем следить за обстановкой, объясним, что лучше с нами, чем с ними.

Здесь холодно и сыро. У отца глаза тоже мокрые, и не понять отчего — то ли от дождя, то ли от радости.

Нас заметили, начали нам кричать. Отец выкрикнул в ответ, что мы так просто не сдадимся, что мы вооружены. Дальше все было как в больном сне. Отец смеялся, что-то объяснял, я плакал. Прибежали люди в форме — даже не понял, милиция ли это, — повалили отца. Один из них резко взял меня за руку и вывел наружу.

Там, за жилым кварталом, начинается сплошной лес. А за лесом ничего нет — так кажется. Проезжаешь местность и оказываешься в пустоте. Ходишь на ощупь. Там могли бы построить новый город или завод, занять место деятельностью. А ничего не сделали. Все осталось как есть. Как есть — это дышащая тихая природа, без людей.

Автобус туда ходит раза четыре в день. Запрыгивают сжавшиеся, как зимние утки, пассажиры, прилипают к окнам и качаются час-полтора.

Там интересно ночью. Темная лесная дорога. Дождь без ветра и шелестящие деревья — густые и плотные, сквозь них не пройти. Если там оказаться, сразу можно сгинуть — никто не найдет. Эта плотность дремлет, как гигантское живое существо с мокрой кожей. И дорога пустая, сырая, скрытая.

Дальше круглый поворот, и то, что за ним, — не видно.

Что там произошло?

Сначала высветилась дальняя сторона, а затем мягко и почти бесшумно, следуя за своими лучами, возникла машина. Она остановилась на повороте. Наверное, в этих местах никто никогда не останавливался и вообще не предполагалось человеческого присутствие. Вышел человек, встал в дожде. Начал шептать и мокнуть.

У меня вполне цивилизная машина, дорогая и ухоженная. В багажнике лежит все, что надо. Я все приготовил.

Интересное состояние. Могу стоять там и мокнуть, а могу смотреть на себя со стороны, рассказывать: «вышел человек».

Утром я приеду в пустую местность. Там ворота, дальше мелкие домики, рассыпанные как клюква. Пять лет назад приезжал туда и думал, что больше не вернусь. Они называют это место «психиатрическим пансионатом» — реально же это какая-то духовка. Ходишь, смотришь, и внутри все сдавливается, будто выкачивают внутренний воздух. Ты был надут, как резиновая кукла, походил там и сморщился.

Будет утро, я приду. Вчера созвонился с врачом, он разрешил его забрать покататься. Мы поедем куда-нибудь. Конечно, он будет молчать, а я буду говорить и за себя, и за него. Ну, как дела? Да ничего. У тебя как? У меня тоже. Как на работе? На какой работе? Ну ты же где-то работаешь? Где-то, да. Нигде. Здесь на повороте что-то не так: кажется, можно выйти и раствориться — никто не найдет. Будем стоять, мокнуть, уменьшаться. Тело растопится дождем. Останется пустая машина с зажженными фарами посреди шипящего леса. Будут искать в лесу с фонариками, а мы туда и не заходили,

растворились прямо на дороге. А почему не приезжал так долго? А что, вот я приеду, вот мы сядем, я это проговорю, уеду, затем еще раз приеду, что-то скажу, уеду. И буду снова и снова без толку приезжать, что-то рассказывать, показывать фотографии. Или что?

Утром я приехал, мне помогли запихнуть его инвалидную коляску на заднее сиденье, самого завели и посадили рядом. Мы поехали. Ну что, как дела? Куда едем? Так, покатаемся, посмотрим природу. Сегодня выходной, отвезу тебя в одно место.

Я специально выбрал этот день: знал, что зоопарк будет закрыт. Мы подъехали со стороны трехэтажных домов. Достал сумку из багажника, протолкнул под забором, сложил коляску, но она не прошла — тогда перекинул ее рядом, в той части, где забор пониже. Она со звоном упала на землю, покосилась, как подбитая лошадь. Ну давай, снимай куртку, полезли. Вот мы и в зоопарке, сейчас пойдем смотреть животных.

Коляска не разбилась, осталась вполне рабочей. Я его посадил, покатил по местам, стал показывать на животных, называть их. Он запрокинул голову назад, посмотрел на меня. А что смотреть: мы приехали, погуляем, отдохнем. Здесь никого нет, сегодня все закрыто, хозяйственный день. Здесь тихо и хо-рошо, почти как на кладбище. Ходишь, смотришь животных.

Подошли к клеткам с тиграми. Такой за руку как схватит — и нет руки. Зубы белые, лицо злое. Можно его подразнить, просунуть руку, посмотреть, успеет ли наброситься.

Появился человек: видимо, рабочий. Внимательно посмотрел на нас, затем подошел, спросил, кто мы такие. Ответил ему, что специальная программа по работе с инвалидами, нам разрешили в хозяйственные дни здесь гулять, с администрацией все согласовано. Человек послушно покивал, пошагал дальше.

Подошли к дальним загородкам. Тем самым. Он резко дернул головой, его глаза заиграли. Ну а что ты думал? Просто будем здесь гулять и смотреть животных? Нет, полезли. Давай, прыгай туда, не бойся – чего нам бояться. Оставили коляску, я потащил его к дальнему домику. Вместе с сумкой.

Сели у окна. За двадцать лет ничего там толком не изменилось. Я раскрыл сумку, достал два калаша и лимонки. По мирным не будем стрелять, только в воздух, война есть война, не мы ее начали, это обстоятельства. Нам нужно продержаться сутки, потом придет подмога, наши уже на подходе, в штабе всё знают. Выйдем из оцепления – начнется новая жизнь. Давай радоваться и предвкушать. Как думаешь, где они расставят снайперов? Скорее всего, в тех дальних клетках, за деревьями. А там опасная высота, когда придут наши, надо ее занять. Хорошо, что есть забор, это будет граница нашего города. Главное – сутки. Дальше все пойдет. Спасибо. Хорошо.

Наследие

Есть же такие животные, какие-нибудь ежики — если их потрогает человек, то свои уже не примут. Кто-то шел, умилится, погладил, а теперь ему только идти и топиться.

Меня впечатляло, как сельские волновались о слухах, кто что скажет. В городе как: живешь и не знаешь соседей, закрываешься на четвертом этаже, и тебе безразлично, кто за стенкой

и что о тебе думает. А на селе все варятся вместе, как будто проживают одну и ту же жизнь.

В городе если доносится стон — ну и пусть доносится. А тут поглядывание и пошептывание. Кто кого в сенях зажал, кто рехнулся и землю ест.

Все дома мне казались переплетенными под землей. Наверху они как мелкие коробкí, а внизу — корневища и лабиринты. Непонятно, кто кому родня, у кого с кем какое прошлое. Наш двухэтажный желтый дом на шесть квартир сплетен с дальним домом тети Тони, а еще со школой и кладбищем. Всё это одно жилище, все смотрят друг на друга и не только осуждают, но и любят. Любят болезненно, как себя. И не хочешь вглядываться в зеркало, но приходится: вглядываешься и признаёшь, что ты — это ты, никак не выкрутишься.

Культуры я всегда боялся больше, чем природы.

У нас был большой сундук, в нем отсыревшие вещи и несколько книг с плотными страницами бронзового цвета. Когда прикасался к этим книгам, слегка потряхивало. Сборники текстов писателей из республик СССР с фотографиями авторов. От этих фотографий несло жутью. Эта жуть гораздо тяжелее, чем та, что в темной роще, куда просовываешь голову и оставляешь себя на съедение. Никто там не потревожит, не растерзает, и возникающий страх — не больше, чем страх темноты.

Что удивительно, раскрыть ту книгу с фотографиями на любой странице — там будет о природе. Не об обществе и не о страстях.

Описание заката, вдохновение горными хребтами, воспевание каких-нибудь бескрайних полей. И все бы ничего, если бы не фотографии.

Зачем они все воспевают природу? Я всем расскажу, какая ты красивая, только не трогай меня. Наверное, так. Скорее из страха, чем из восхищения. Чтобы защититься и не согнуться.

Ерунду я какую-то сказал, да?

Культура и природа – это то, в чем тонет человек. Где страшнее? Кому как.

У стены, рядом с сундуком, стоял черно-бело-зеленый телевизор. Он бился током – можно было поднести к экрану ладонь и погладить колкие колоски. Ручка для переключения каналов давно отлетела и потерялась, приходилось крутить плоскогубцами. Канала всего три. Самый интересный – областной. Как ни странно, по нему шли зарубежные фильмы, как в видеосалонах. Видимо, кто-то просто добывал и ставил в эфир всевозможные кассеты. Были новости региона – аккуратная ведущая на синем фоне излагала кто-где-чего-зачем. Ну и скучные передачи типа в гостях у сельских жителей или вести с предприятий с однообразными интервью. Все это крайне неинтересно. И понятно, как к таким передачам относились сами работники канала – как к тяготе, поскорее бы снять и забыть.

Это был четверг.

Бабушка перебирала старую одежду в другой комнате. Перекладывала из шкафа в шкаф. Как четки — этим можно заниматься бесконечно. Я сидел на нашем старом диване и смотрел областной канал — американскую мелодраму. На выпуклом экране и без того всё в ряби, а еще, видимо, кассета, с которой транслировали, была затертая. Иногда не было понятно, кто из героев скрывается в говорящем пятне. Фильм закончился, началась традиционная передача о путешествиях по краю. Улыбающиеся ведущие принялись рассказывать о красотах нашей области, о дружном населении, о застольях. Так и сказали: «В каждом доме живет праздник».

Обычно все это воспринимается как фон или далекий щебет. Никогда не обращаешь внимания и не отвлекаешься от мыслей. Наши деревни сомкнулись кольцом вокруг чудесного озера, ля-ля-ля. А в сердце всего этого созвездия находится село, ля-ля-ля. Я дернулся, оживился. Ведь это про наше село. Они доехали наконец и до нас.

Крикнул бабушке, что наше село показывают, она приковыляла из комнаты, уставилась в экран. Действительно, это наши места. И мы знаем здесь не то что каждую тропинку, а каждую ветку, отлетевшую доску в стенке магазина, пожелтевшие оградки при повороте на кладбище — да всё, что есть. Вы можете сфотографировать клочок земли и спросить, где это, — мы приведем, покажем.

Ведущие торжественно вкатились, держа микрофон с длинным проводом. Мы вам расскажем про это прекрасное место

и замечательных людей. Бабушка довольно захохотала, заблестела глазами, поглядела на меня — неужели это действительно происходит?

Они принялись рассказывать историю села, кто здесь обитал до революции, как наш магазин был перестроен из имения какого-то купца. Мы с гордостью ловили каждое слово, боялись прервать лишним звуком. Только бы собака не залаяла и не заглушила то, что говорят.

Дошли до истории села во время войны, рассказали о том, как в церковь попал снаряд. В развалинах храма до сих пор слышно ангельское пение, службы не останавливались ни на минуту. А кладбище полно тайн. Ходят слухи, что где-то на нем зарыт клад, что купец перед смертью попросил не раздавать добро невесте кому, а оставить ему.

Вернулись к центру, к нашему магазину. Довольные ведущие объявили, что сейчас поговорят с местными жителями, расспросят об урожае, быте и заботах. Сразу же рядом с ними нарисовался дедок в потрепанной серой рубашке и черной кепке. Вы всю жизнь здесь живете? Да, всю жизнь, здесь родился. Расскажите про свое село. Ну, село как село, оно для меня родное, другого нет, вот здесь в школу когда-то ходил, здесь и проработал, пока производство было.

Мы с бабушкой недоуменно переглянулись. Это кто? Тут нет такого деда. Мы всех знаем. Неужели ведущие притащили деда с собой и берут у него интервью? Может, он у них на все передачи ездит, по всем местам? Везде выплывает как местный и рассказывает, что всю жизнь здесь прожил.